

ЕВГЕНИЙ А. ЯБЛОКОВ

Москва

ABECADŁO Z PIECA SPADŁO, ИЛИ
СЛУЧАЙ ТАК НАЗЫВАЕМОГО ВРАНЬЯ

M. Bułgakov, *Pan Piłsudski i inne opowiadania, w tym cztery dotąd niepublikowane*, przekł., wstęp i posłowie Barbara Dohnalik, Vis-à-vis–Etiuda, Kraków 2017.

К 100-летнему юбилею Октябрьского переворота польский читатель получил подарочек. Это переводная книжка, на титульном листе которой фамилия автора написана так: Michail Bułgakov — по-русски то ли Булгаков, то ли Булхаков. Заявившая себя переводчицей дама по фамилии Dohnalik (то ли Догналик, то ли Дохналик), видимо, не смогла сделать выбор.

Однако фамилия — лишь малое проявление того диссоциативного расстройтва идентичности (говоря по-простому — раздвоения личности), с которым мы здесь имеем дело. Главный симптом болезни следующий: «Дог/хналик воображает себя Булг/хаковым». Недуг явно застарелый, ибо первое издание ее опуса под тем же заглавием увидело свет почти 30 лет назад (*Orbita*, Warszawa 1989). Оно не прошло незамеченным: в киевском журнале «Collegium» (1994, № 4–5) появилась рецензия (<http://www.burago.com.ua/index.php/ru/zhurnaly/mezhdunarodnyj-nauchno-populyarnyj-zhurnal-collegium/collegium-4-1994/1227-ezhi-godnik-pan-pilsudskij-pani-dognalik-i-nekto-bulgakov> — 21.01.2019), автор которой высказался о книжке и о самой Догналик вполне справедливо и крайне негативно. А вместе с рецензией напечатал «заглавный» рассказ, *Пан Пилсудский*, в обратном переводе с польского на русский.

Не правда ли, странно? Зачем это понадобилось — при наличии русского оригинала? В том-то и дело, что никакого оригинала не было и нет. Такого булгаковского текста (как и многих других, якобы «переведенных» Догналик) не существует в природе. Из восьми рассказов, входивших в издание 1989 года, шесть не принадлежали Булгакову. А в издании 2017 года из 12 рассказов фальшивками являются восемь. Спустя почти 30 лет Догналик не постеснялась выпустить книжку повторно да еще добавить пару текстов, сочиненных — кем? Разумеется, ею самой.

Воспринимать это как милую шутку нет ни малейших оснований. Даже в начале 1990-х годов поступок Догналик не выглядел смешным. Можно было бы отнестись к ее деятельности как к филологическому чудачеству, если бы спустя какое-то время сама Догналик «обнажила прием» и объявила о мистификации, так сказать, *urbi et orbi*. Но ничего подобного она не сделала — а теперь, как видим, пытается всу-

читать нам блюдо «второй свежести». Если человек повторяет глупость спустя почти 30 лет, сантименты уже ни к чему и никаких комических эмоций, кроме разве что сарказма, это не вызывает. Поэтому наша оценка умственного состояния «переводчицы» не кажется чрезмерно суровой. Долю славы заслужило и издательство «Vis-à-vis/Etiuda» — оно же ведало, что творило?

Не вижу смысла пересказывать псевдобулгаковские тексты и делать рекламу аферистке. Замечу лишь, что ее выдумки небезвредны. Например, в YouTube имеется видео пятилетней давности: актеры одного из варшавских театров читают перед публикой те самые рассказы, сочиненные Догналик (<https://www.youtube.com/watch?v=NRXVEfzyNsU>; <https://www.youtube.com/watch?v=g9VwOXSIJZ4>; <https://www.youtube.com/watch?v=2IX2PVCOaIc>). Уж не знаю, понимали ли актеры, что пропагандируют фальшивку; надеюсь, что нет. Ну а вдруг эти тексты окажутся и в каком-нибудь польском *Собрании сочинений* писателя?

Несколько слов о действительно булгаковских рассказах, которые включены в книжку. Их, как уже сказано, всего четыре из двенадцати: *В ночь на 3-е число* (Отрывок из романа «Алый мах») (Догналик по-хозяйски решила, что этот текст лучше назвать в духе Артура Конан Дойла: *Rozzada w odzienach czerwieni*), *Таракан*, *Ханский огонь* и *Богема* — здесь название первой главки, *Как существовать при помощи литературы*, зачем-то перенесено в заглавие рассказа — *Woheta, czyli jak żyć z literatury*. Удивляться не приходится: если уж дама позволяет себе писать «за Булгакова», то к его собственным текстам и подавно относится фамильярно. Коснусь лишь одного момента — имен персонажей в рассказе *Ханский огонь*. У Булгакова фамилия главного героя — Тугай-Бег; но Догналик пишет Тугай-Бей (с. 113 и дал.). Почему? Как говорил один булгаковский персонаж — пёс его знает. Видимо, застрял в голове роман Генрика Сенкевича *Огнем и мечом*, где действительно есть Тугай-Бей — посланец крымского хана; недаром Догналик сообщает, что рассказ связан... с трагедией крымских татар (с. 165). Однако Булгаков не Сенкевич, и в его рассказе князь Тугай-Бег не имеет отношения к Крыму: он потомок предводителя Малой Орды, которая кочевала в Поволжье и на Северном Кавказе; но Догналик это безразлично. Другой персонаж *Ханского огня* — историк Эртус. Смелая переводчица дает ему фамилию *Эртель* (с. 120), да еще «объясняет», что Булгаков якобы использовал фамилию русского писателя-народника Эртеля (с. 168) — хотя Булгаков ничего подобного и не думал делать. Поневоле вспомнишь эпизод из *Мастера и Маргариты*, где после рассказа Бегемота «все хором воскликнули:

— Вранье!

— И интереснее всего в этом вранье то, — сказал Воланд, — что оно — вранье от первого до последнего слова».

Захватив в книжке две трети булгаковской «территории», Догналик этим не ограничилась. Ей принадлежат еще предисловие (повторен текст из издания 1989 года), послесловие (написан новый) и примечания (в основном к тем рассказам, которые сочинила сама). Количество содержащейся в этих текстах фантастической, нелепой и просто бредовой информации превосходит все возможные пределы. Многие из глупостей отметил еще автор рецензии 1994 года. Однако Догналик ничего не исправила. Напротив, добавила новых, не стесняясь того, что ее фантазии прямо противоречат фактам — это очевидно для каждого, кто мало-мальски знаком с биографией и творчеством Булгакова.

Так, по мнению Догналик, у Булгакова не было причин жаловаться на нехватку публикаций (с. 172); наверное, «переводчица» не знает, что при его жизни в СССР вышел лишь один полноценный сборник произведений, *Дьяволиада*, и это было в 1925 году — не забудем, что писатель умер в 1940-м.

Нам сообщают, что в 1919 году в некоем Троицком театре была поставлена пьеса Булгакова *Самооборона*, за которую его обвинили в плагиате (с. 169). Интересно, где это происходило: в Киеве, где Булгаков находился до сентября 1919 года, или на Северном Кавказе, где шли боевые действия? «Переводчица» банально все перепутала: *Самооборону* поставили в 1920 году во Владикавказе (хотя Троицкого театра не было и там).

Догналик «информирует», что в СССР и на Западе в 1920-х годах были опубликованы фрагменты булгаковского романа *Алый мах*; вот только изданий, где эти «фрагменты» якобы увидели свет, не называет. И немудрено: отрывок *В ночь на 3-е число* давно известен, а никаких других — кроме сфальсифицированных самой Догналик — не существует. На этом фантазии не кончаются: оказывается, Булгаков понимал, что продолжение *Алого маха* помешает его мировой (!) литературной карьере, поэтому бросил писать этот роман и вместо него написал *Белую гвардию* (с. 8). Как говорится, без комментариев.

Сочинен за Булгакова и рассказ *Светлые перспективы* — как уверяет Догналик, он был опубликован в 1926 году в журнале... «На литературном посту»; тот кто знает, какая литературная группировка выпускала данный журнал и как ее представители относились к Булгакову, будет долго смеяться. Выдумка еще бредовее — журналы «Красный грузин» и «Красный армянин», где рассказ якобы был перепечатан (с. 171).

Между прочим, Догналик не сомневается, что Булгаков знал польский язык, литературу и историю (с. 7). И вообще был крайне озабочен проблемами польской культуры — например, в Киеве дважды беседовал с Дзержинским (!) о восприятии польской литературы (с. 61). Не стоит долго объяснять, что это тоже чистой воды выдумки.

Немало интересного узнаем о личной жизни писателя. Например, в 1913 году женой Булгакова стала «гимназистка из Саратова» Татьяна

на Н. Лаппа. Брак оказался «ночным кошмаром» — «между порциями морфия Булгаков осознавал, что не должен был поступать вопреки материнской воле» (с. 171). Между прочим, он, оказывается, не выпил в жизни ни капли алкоголя и не курил — а с папиросой только позировал для фотографий (с. 58). Интересно, зачем тогда Елена Сергеевна дарила ему на день рождения джин и папиросы? (*Дневник Елены Булгаковой*, Книжная палата, Москва 1990, с. 98). Наверное, чтобы с ними фотографироваться...

Булгаков, сообщают нам, был неудержимым шутником. Его необузданная веселость сильно повредила Константину Паустовскому, который являлся литературным покровителем (!!) Булгакова, но постоянно ожидал от него подвоха. Например, Булгаков долго умолял Паустовского познакомить его с Маяковским, а когда тот согласился — испортил дело очередной выходкой. На вечере Маяковского в Техническом (Догналик так пишет вместо Политехнического) музее Булгаков сообщил Маяковскому, что они встречались в его, Булгакова, врачебном кабинете, объяснив: «— Я ведь сифон лечу, — если позволите так выразиться...» (с. 11–13).

Если кто не знает, «сифон» — вульгарное название сифилиса. По представлениям «переводчицы», Булгаков должен был выразиться подобным образом, — таков уж ее культурный уровень. Недаром в сочиненных «под Булгакова» текстах встречаем «говорящие» фамилии и имена: Трахнунцев (с. 58), Глафира Сосипартовна (с. 136), Педерастов и Посососов (с. 149). Здесь же имеют место газетка «Красный комдом» (с. 161; видимо, вместо «домком») и клуб «Красный мат» (с. 136). Булгаков в одном из писем 1921 года говорил, что сочиненная им пьеса *Братья Турбины* — «наспех сделанная, незрелая вещь»; Догналик излагает как умеет: «...наспех состряпанное говно» (с. 15).

Кстати, история с Маяковским в ее исполнении имеет продолжение — на другой вечер поэта Булгаков якобы пришел «одетый в куртку, цвет которой напоминал лицо китайца, большого желтухой. На нем был ядовито-зеленый галстук, а к нижней губе прилеплена была папироса (сам он не курил)» (с. 13). В общем, шутил непрерывно и поидиотски. После одной из шуток «очень грустный Паустовский» сказал ему: «...не хватало тебе только увести жену у генерала Шиловского» (с. 14). И что бы вы думали! Спустя несколько лет Булгаков выполнил «заказ».

В этой каше трудно определить, где у «переводчицы» бредовые фантазии, а где фактические ошибки. Например, она сообщает, что Булгаков посещал родовую усадьбу князей Юсуповых под Москвой, которая находится... в Архангельске (с. 165); перепутала с именем Архангельским. Информировует, что улица Лубянка с 1926 года носит имя Дзержинского (с. 65), хотя, во-первых, это площадь, а во-вторых, она с 1990 года вновь является Лубянской. Улица Воздвиженка, как пола-

гает Догналик, и сегодня именуется проспектом Калинина (с. 93), хотя старое название давно возвращено.

Малосимпатично и то, что Догналик склонна к политическим спекуляциям. Например, по ее утверждению, в России начала XX в. было запрещено словосочетание «украинский язык» (с. 7). Это ложь чистой воды — приведу в пример московский журнал «Украинская жизнь», одним из редакторов которого был не кто иной как Симон Петлюра. В № 6 за 1912 год на странице 92 помещен *Обзор украинской жизни* — один из его разделов называется *Частная школа и украинский язык* (<http://escriptorium.univer.kharkov.ua/handle/1237075002/4875> — 21.01.2018).

В связи с якобы крымскотатарским персонажем *Ханского огня* Догналик зачем-то сообщает: «...сегодня судьба крымских татар гораздо более трагична, чем во времена власти большевиков» (с. 166), — может, для этого и придумала Тугай-Бая; но при чем здесь Булгаков? Упоминает про недавний российский фильм, но даже назвать его правильно не может — пишет *Матильда Кшесинская* (с. 167) вместо *Матильда*, а режиссера Алексея Учителя называет «документалистом» (с. 167), хотя фильм вовсе не документальный.

И все это — лишь небольшая часть фикций и фейков, небылиц и бабсен, домыслов и вымыслов, баек и уток, мифов и небывальщин, из которых состоит неумная и унылая книжонка.

Напоследок скажу о ее оформлении. Обложку изготовила некая Ольга Догналик — подозреваю, родственница «переводчицы». На картинке представлен Юзеф Пилсудский в шинели в полный рост — портрет, я бы сказал, сталинского типа. Вокруг маршала помещены советские (почему-то брежневского времени) и старые польские (с портретом самого Пилсудского) монеты — а также еще какие-то, совсем уж древние, вроде сребреников Ярослава Мудрого (XI век). К чему они — не знаю; видимо, монеты символизируют роль книжонки в повышении благосостояния семьи Догналик. Впрочем, обложка по-своему адекватна содержанию: она эстетически безвкусна и ассоциируется с Булгаковым примерно в такой же степени, в какой Азazelло походил на архиерея.